

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117

Телеграммой позвал Виктора Астафьева

«Наукоград без газеты – курьез. Но если создавать для него газету, она должна соответствовать уровню ее высоколобых читателей». Аза Павлова, она и Лесничий попросили меня сформировать творческий штаб редакции. Я предложил, поразмыслив, редактором Михаила Юрьевича Лохвицкого – романиста с оригинальной выдумкой, разносторонне развитого, из многоопытных фронтовиков, по-кавказски независимого, но достаточно пластичного в спорных обстоятельствах.

Шли к защите дипломов в Литинституте братья Сафоновы, Эрнст и Валентин. Служа на Северном флоте, они приобщились к журналистике. Тогда же слушателям Высших литературных курсов был Виктор Астафьев. После проведения трехдневных чтений, посвященных родоначальнику гелеобиологии, поэту Александру Леонидовичу Чижевскому, другу и защитнику основоположника космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского, я поехал в санаторий «Воробьево», куда телеграммой позвал Виктора Астафьева. Астафьев приехал не один, а с братьями Сафоновыми и, тоже литинститутом и пермяком, как Астафьев, Иваном Лысцовым.

Там я договорился с Эрнстом и Иваном, что после окончания Литинститута они приедут на работу в открывшуюся газету Обнинска. Эрнст пообещал сагитировать своего соученика Илью (Ильгиза) Кашафудинова. Он прозаик тоже и служил на том же флоте, только плавал на подлодке и даже наблюдал взрыв водородной бомбы над Северным Ледовитым океаном и участвовал в ликвидации трагических последствий этого испытания. Илья – прекрасный фотограф и хроникер. Позже мне удалось быть на встрече Лесничего и Павловой с Лохвицким и достойнейшими выпускниками Литинститута Сафоновым и Кашафудиновым. Оба успели жениться и родить сыновей.

Свою жену Лялю родом из знатной армянской фамилии Эрнст навеличивал княжной. У Ильи жена Валентина была из деревни Шелемишево, основанной на реке Рановке в Рязанской области. Валино русское происхождение, миниатюрность и внешность, равнозначная, пожалуй, киноактрисе Людмиле Целиковской, давали ему право называть ее красоткой-рязаночкой. На встрече договорились, что Лохвицкий – главный редактор, Сафонов – ответственный секретарь, Кашафудинов – фотокорреспондент. Все три семьи получают свежестроенные государственные квартиры.

Жизнь вне служебной диктатуры

Так вот, великодушные горкомовцы Павлова и Лесничий, возвышенные стремления которых я поддерживал по мере своих возможностей, выручали меня продуктами, понятно, через магазины, для моей Татьяны, англичанки Татьяны Петровны, священной Танаакин. Что-то я покупал для семьи, правда, предпочитая это делать пореже. Хотя столица стягивала к себе основные продукты советского питания и слабо делилась теми, которые закупала за рубежом, тем более экзотическими фрукто-овощами, я, испытывая внутреннюю самоукоризну, старался делать закупки там.

Начало «коронной фразы» А. Ткаченко я уже цитировал, теперь приведу ее целиком: «Будучи, однако, смекалистым на все житейски-бытовое, он (то есть я. – Н. В.) сообразил, как ему выжить: одних членов СП приближал и обласкивал, кормил и поил у себя дома, других – на порог не пускал. И, конечно, привлек на свою сторону молодежь, мечтающую о Союзе писателей». Фальсификаторы прокалываются не только на лжи, но и на словесных провалах.



Николай Воронов передал председательство литобъединением Борису Ручьеву

Я уже останавливался на том, что, вопреки договоренности с промышленным обкомом, выдвигал на положение ответственного секретаря Владимира Кобликова. Еще в Магнитогорске я, передав председательство литобъединением Борису Ручьеву, вполне ощутил и понял счастье, райскую незаменимость его, – быть свободным художником. Всецелая преданность самому себе и семье, своим замыслам, своему воображению фантазиста (так назвала меня внучка Маша) и путешественника, своему и жены

художником, семейство и я несравненно значительней благоденствовали бы: убогим было мое ежемесячное вознаграждение чиновника. Держаться за пост ответственного секретаря, да еще и силиться обставлять его сохранение, – гнусен и смехотворен этот посыл Ткаченко.

Я расточал свои силы, способности, мизерные средства ради помощи и развития писателей разных поколений. Но никого из них я не прикармливал. Отречение от потчеваний минувшего сложилось стихийно: маленькие доходы, ограничения снади, изменение ситуации – на квартире творческий затвор (кропание прозы требует каждодневности), четыре раза в неделю принимаю в конторе от двух пополудни, иногда допоздна. Ко мне домой смело заходили лишь

Я расточал свои силы и мизерные средства, помогая писателям разных поколений

отдельные из литераторов: мой заместитель Владимир Кобликов; молодой поэт Валентин Волков из деревни Иваново Козельского района (не у кого останавливаться, гостиница по бедности недоступна, после окончания Литинститута работал в родной округе книгоношей, в Союз приняли года через два – выделялся художественным даром); очеркист Алексей Шеметов, поселившийся в Тарусе еще до организации областного отделения, он отсидел, арестованный в Казахстане, по делу писателя Юрия Домбровского.

«Портреты заговорили»

В ссылке повезло – попал в биологическую лабораторию Томского университета, которую возглавлял Раевский, тот самый, кто прославится документальными повестями о Пушкине: «Когда заговорят портреты?», «Портреты заговорили»; освободясь, Шеметов занимался журналистикой в Хакасии, где его судьба пересеклась с Бориса Балтера судьбой, потом, полагаю, не без поддержки Балтера, он осел в Тарусе. Во второй половине 60-х годов изредка навещались к нам из Обнинска, необременительно, на часы, Сафоновы, Кашафудиновы, Лохвицкие, Левиты.

Сами мы с женой и наши дети общались домами не с литераторами: народным артистом РСФСР Александром Додонкиным, его супругой-певуньей Маргаритой, их дочерью; с подполковником в отставке, фронтовиком Михаилом Доронкиным, его женой Зинаидой и тремя их детьми, а также с его сестрой Верой Михайловной, ее многомудрым мужем Валентином из деревни Спас на Угре (там было Великое Противостояние). Вера, более искусная в отношениях с партийными бонзами, сменила

мужа на председательском посту: исключительно была независимость Валентина...

К обоюдной радости мы сдружились с бригадой токарей-расточников Турбинного завода, создававшей редукторы для стратегических атомных подлодок. Из партийных работников у меня сложились взаимоуважительные отношения со вторым секретарем Калужского обкома КПСС Николаем Николаевичем Гусевым, избранным на эту должность после объединения обкомов, промышленного и сельскохозяйственного. До перемещения в Калугу Гусев был первым секретарем Козельского райкома. Учитель – перед Великой Отечественной войной, на войне – политуправленец, он понимал грандиозное значение Федора Достоевского для русской и мировой литературы.

Понимал он и особо важное значение для православия России Оптиного монастыря и скита Иоанно-Предтеченского. Отсюда и то, что ради спасения Оптины, разрушенного не столько антирелигиозной политикой большевиков, сколько немецко-фашистскими захватчиками, он поместил туда училище сельскохозяйственной механизации, а директором назначил благороднейшего Иванова. Частью бюджет, выделяемый училищу, расходовался на сохранение особнячков, построенных для святых старцев.

Невежда рухнул на колени

Самый пристальный присмотр был за особнячком особо редко можно почитать старца Амвросия, которого Федор Михайлович навещал в этом домике вместе с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. Впечатления от Амвросия нашли колоссальное отражение в образе старца Зосимы (роман «Братья Карамазовы»). Стремление оберечь Оптину увязывал Гусев с деятелями русской литературы и искусства: Львом Толстым, Николаем Гоголем, Иваном Тургеневым, Иваном Бунным, Константином Леонтьевым, Петром и Иваном Киреевскими... Гусев неуклонно подчеркивал святительские инициативы майора-отставника, поэта Василия Николаевича Сорокина. Благодаря его поддержке Василий Николаевич создал краеведческий музей в Козельске и картинную галерею в Оптиной пустыни.

Он управлял ими на общественных началах и производил вдохновенные экскурсии не только в Козельске и Оптине, но и в Шамардине. Вопреки гонениям на религиозность и славянофильство Сорокин сохранил с Ивановым план захоронения братьев Киреевских и надгробные плиты над их могилами. Движимый, нет сомнения, национальными и патриотическими чувствами, он проявил для советской поры дерзкую доблесть. Он подготовил открытие могил Киреевских, для чего пригласил из Москвы, Ленинграда, с земли Калужской ученую и художественную интеллигенцию.

Перед открытием этих священных могил он произнес речь, в которой напомнил о том, что отец Киреевских ради победы над Наполеоном потратил два своих поместья и умер от тифа; его разоренное семейство спаслось благодарями Жуковского, Карамзина и других высоких людей.

Ставшие знаменитыми и состоятельными, Киреевские часто жилали в Оптиной пустыни, оказывая неуклонную помощь монахам-полиглотам, переводившим самые значительные христианские сочинения. Произнесший речь, Василий Николаевич встал на колени перед могилами. Встали на колени все присутствующие, за исключением первого секретаря Козельского района, которого назначили туда после Гусева. На неведжиду зашикали, и он рухнул на колени.

На следующий день он вызвал коммуниста Сорокина на ковер и встал было разное, однако Василий Николаевич круто его остановил: «Единственное, что вам зачтется на Страшном суде, то, что вы бухнулись на колени!» – с тем и вышел. Этим легендарным случаем в судьбе самопожертвенного Сорокина восхищались атеисты и теисты, западники и славянофилы, беспартийные и партийцы.

Продолжение следует.

> Не умирает тот, кто живет в своих произведениях. Кристиан БОУВИ